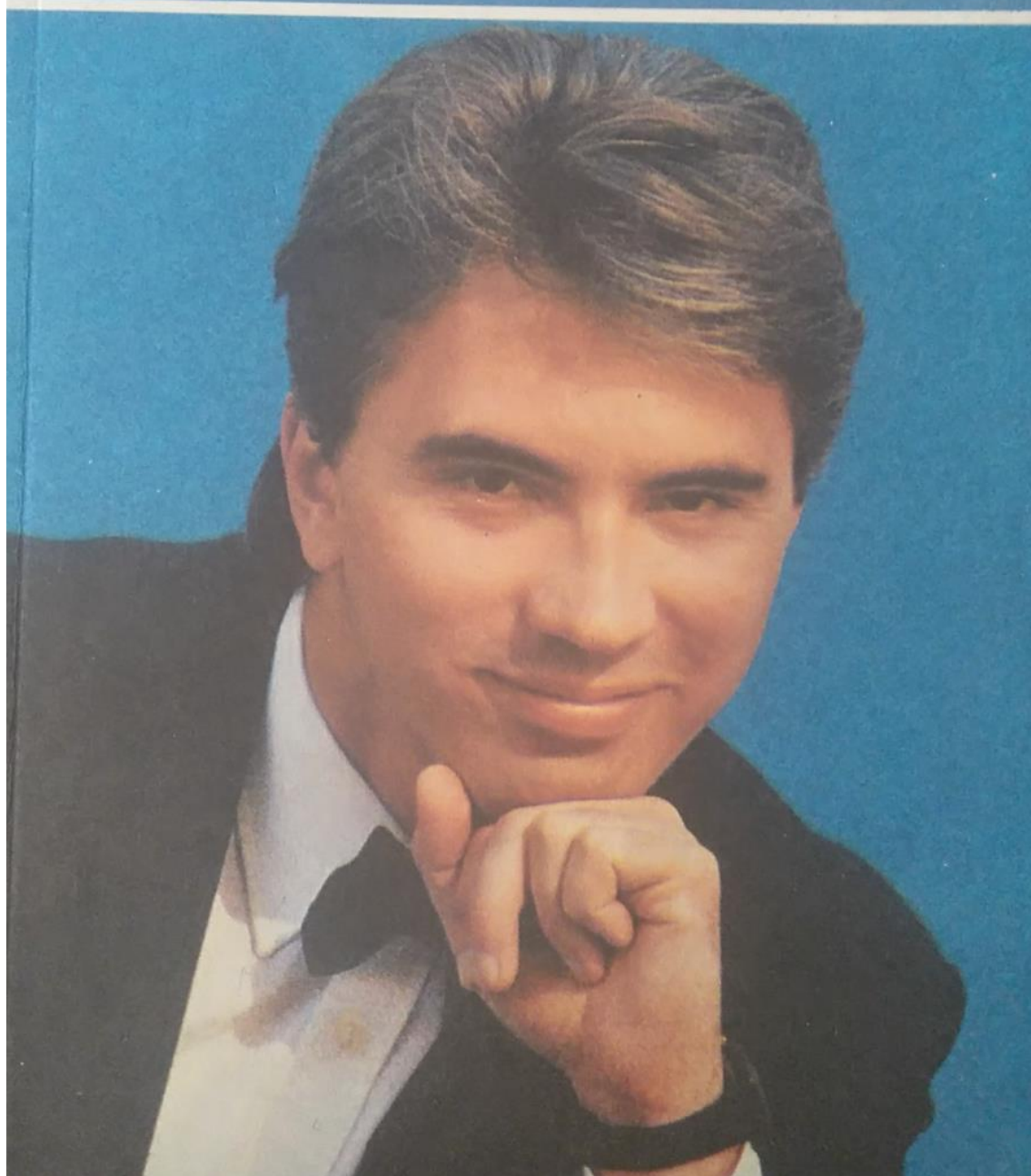

Дружба

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

5/90
СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ

ЛУЧШИЙ, САМЫЙ ЛУЧШИЙ, ПРЕВОСХОДНЫЙ

В периодической печати давно и много говорят о падении интереса широкой публики к большому искусству, о пустых филармонических залах. Но есть артисты, притягивающие к себе публику как магнит. Они помогают людям с легкостью преодолевать барьер, преграждающий им путь к настоящей музыке. Такой способностью наделен молодой певец Дмитрий Хворостовский.

Достать билет на его выступление мне было далеко не просто. На концерты Хворостовского в Москве паломничество. Залы бывают набиты битком. Публика — самая разная. И регулярно посещающая филармонию интеллигенция, и привилегированные слои общества, и молодежь, и люди случайные. Певец выходит на эстраду, и происходит удивительное — все присутствующие становятся едины. А в зале воцаряется атмосфера высокого искусства, атмосфера духовного праздника.

Огромный успех выпал на долю совсем еще молодого человека. В 27 лет — для вокалиста это юношеский возраст — Дмитрий уже заслуженный артист республики. На его счету абсолютная победа сразу в трех конкурсах — всесоюзном, в Тулузе и в Кардиффе. На конкурсе компании Би-би-си в Кардиффе соревновалось около двухсот претендентов из Италии, Испании, Франции, ФРГ, стран Северной и Южной Америки. Успех Хворостовского был триумфальным. Артиста стали приглашать на концерты за рубеж. Там отзываются о нем только в превосходной степени: «Великолепный баритон уникального тембра», «Восходящая звезда».

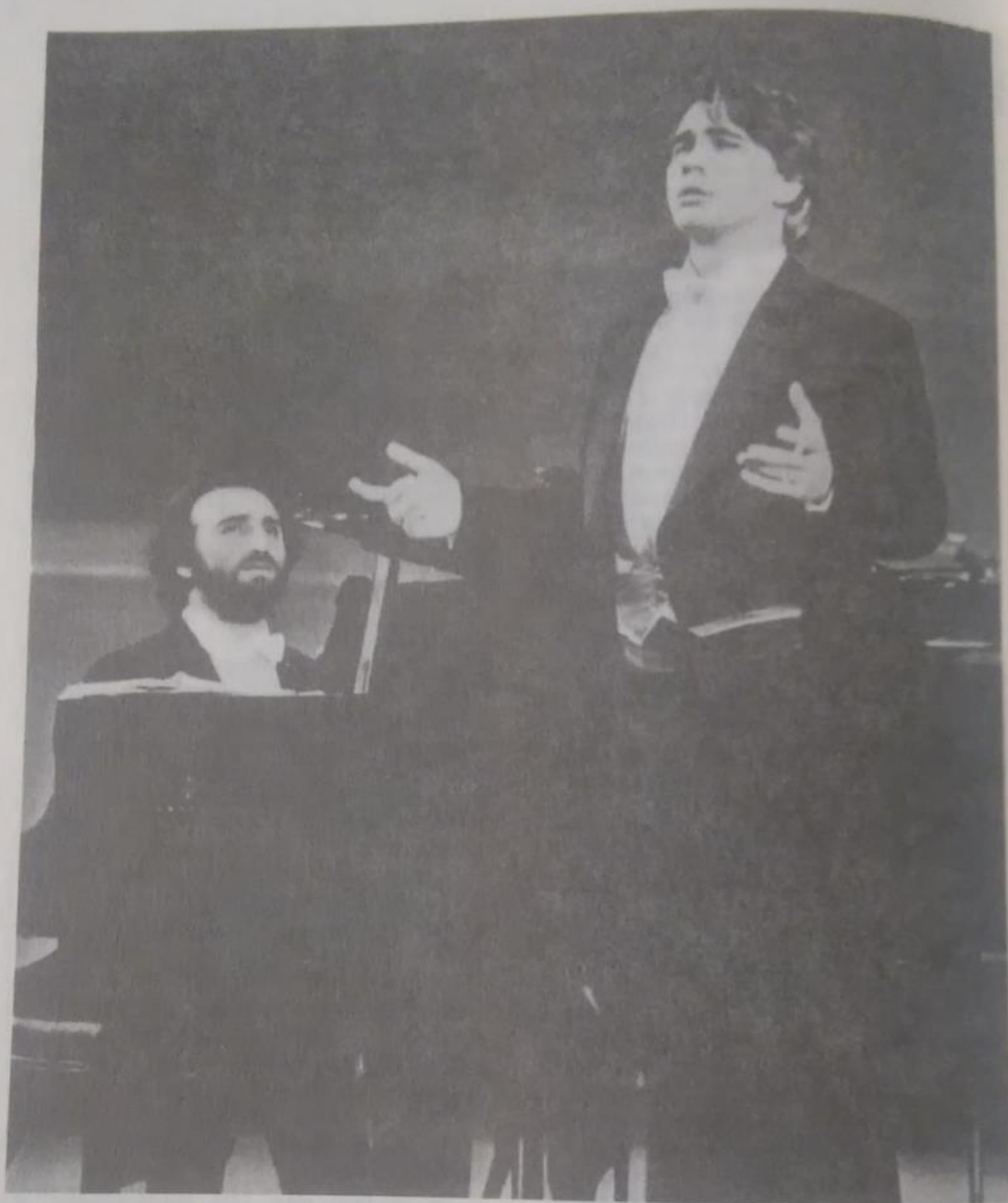
«Дмитрий Хворостовский пришел, спел и победил». В 1989 году он получил высокий титул «Лучшего певца мира».

Музыковед Лариса СМЕРНОВА беседует с Дмитрием Хворостовским о том, как складывалась жизнь и карьера певца.

— Дима, когда и почему вы начали петь?

— Я рос как все мальчишки и больше всего любил футбол. Благодаря неусыпному контролю родителей окончил музыкальную школу по классу фортепиано. В детском хоре я пел сначала вторым сопрано, потом первым альтом. Голос начал ломаться рано, в одиннадцать лет. По настоянию моего отца с двенадцати до четырнадцати лет я совсем не пел. Этим отец сохранил мой голос.

— Ваш отец вокальный педагог?

— Нет, по профессии он инженер-химик, но в душе большой музыкант. Он хорошо владеет фортепиано, от природы имеет прекрасный голос, который, к сожалению, неправильно развивался.

О профессии артиста я и не думал. Правда, в юности основательно увлекся рок-музыкой, играл в рок-ансамбле при детском клубе.

По совету родителей я поступил в музыкальное училище. Меня

определили в теноры, но ненадолго. Там я почувствовал свой голос. Собрав прекрасную фонотеку, часами слушал итальянских певцов, был настоящим фанатом. Этторе Бастьянини стал моим кумиром. Это человек-легенда, красавец, удивительный музыкант.

Я поступил в Красноярский институт искусств. Мне очень повезло с педагогом вокала. Пять лет со мной занималась Екатерина

Константиновна Иоффель. В музыкальных кругах это имя хорошо известно. Она очень интересный человек, с уникальным, мужским характером, который прекрасно сочетается с ее редкостной женственностью. Екатерина Константиновна немолода, но всегда привлекает к себе внимание. Она невысокого роста, а голос имеет красивый — меццо-сопрано, почти сопранальто. Для такого сочетания внешности и голоса трудно найти подходящую партию в театре. Поэтому ей пришлось уйти в филармонию. Но так произошло, что довольно скоро она нашла свое настоящее призвание в педагогике. Екатерина Константиновна имеет прекрасную школу — в свое время она училась у Барсовой и Шиллер. В педагогике она настоящий ас. Я ей безмерно благодарен.

— Когда вы начали выступать в театре?

— С III курса я пел в Красноярском театре оперы и балета. В основном — партии второго плана, большие можно было сосчитать по пальцам. Много лет я был единственным молодым певцом в театре. Через некоторое время меня заметили в своем городе, на мои спектакли стали ходить.

— Сейчас вы много гастролируете по стране, выступали, кроме столицы, в Ленинграде, Кишиневе, Риге, Смоленске, Донецке, Луганске. Как на это реагирует администрация театра?

— Я работаю в театре по контракту, то есть мне оплачиваются только те спектакли, в которых я участвую. К сожалению, за время похода я ушел из репертуара. Когда ставились новые спектакли, меня уже не брали в расчет. Поэтому работы для меня сейчас там немного.

— Как вам понравилось за рубежом?

— Совсем другой мир. К сожалению, некоторых городов я практически не увидел. Может быть, исполню в будущем. Моя концертная жизнь уже расписана до 1995 года. Я буду петь в «Ла Скала», в лондонском театре «Ковент-Гарден», в Токио, в Нью-Йорке, Вене, Сан-Франциско, Чикаго, Бо-

стоне, Вашингтоне, Париже... С фирмой «Филипп» заключен контракт на пять лет. Это очень крупная фирма, имеющая представительства во всех цивилизованных странах. Недавно вышла моя первая пластинка, программу которой составила оперная музыка Чайковского и Верди. Мне предстоит в скором времени запись романсов Чайковского и Рахманинова с пианистом Олегом Бошняковичем в Англии. Затем последуют записи в партнерстве с крупнейшими певцами — Джессикой Норман и Хосе Карерасом.

— Увидят ли советские люди вашу первую пластинку?

— Да, она будет продаваться и у нас.

— Есть ли у вас пластинки на фирме «Мелодия»?

— Я принял участие в записи «Пиковой дамы» Чайковского в партии Елецкого.

— Судя по зарубежной прессе, вас там очень высоко ценят. Не возникает ли у вас соблазна последовать примеру некоторых наших соотечественников и уехать жить за границу?

— Нет. Мои русские корни держат меня очень крепко. Но я стремлюсь быть свободным и волен жить где хочу. Сейчас у меня очень сложный период. Я добился какой-то славы, а не сделано пока ровным счетом ничего стоящего. Все, что я продемонстрировал, — только авансы. Свое будущее я связываю с театральной сценой. Ближайшая работа в этом направлении — партии в «Дон Карлосе» и «Пуританах» Верди. Для оперной сцены мне нужно созреть физически, освоить новый репертуар.

К сожалению, я нигде не стажировался. А это необходимая школа. Мне нужно совершенствовать итальянский, нужен хороший педагог-репетитор. И я решил учиться в Милане — за свой счет.

— С кем из пианистов вы работаете постоянно?

— В последнее время — с Михаилом Аркадьевым. Он очень хороший музыкант, солист высокого класса. Рояль под его руками звучит как оркестр. Миша больше любит играть оперные арии, сам де-

ляет транскрипции к ним. Недавно мы подготовили камерную программу — итальянские арии, каватины, канцоны XVII—XIX веков. Миша отнесся к этому предельно добросовестно. Получилось, по-моему, хорошо.

— Как вы относитесь к фольклору?

— Это великая книга, большинством людей не прочитанная, столько ценного, золотого в ней. Моя бабушка, воспитывавшая меня до шестнадцати лет, знает массу песен, прибауток, частушек. Я многое запомнил, перенял у нее и мог бы петь в народной манере, хотя бы так, как это делается ансамблем Покровского. Но для оперного голоса это чужеродно. А та манера пения, которая сейчас принята на эстраде, и особенно то, что делает Сметанников, — просто ужас-

● *Дмитрий Хворостовский и пианист Михаил Аркадьев.*

но. Самое неприятное, что сама эта традиция идет от Шаляпина, но ее трансформировали до уродства.

В мои планы входит запись пластинок с русскими народными песнями. Я никогда не пел с русским народным оркестром, мне это было бы интересно.

Здесь я позволю себе отвлечься от изложения беседы. «Ноченька» в исполнении Дмитрия Хворостовского запечатлелась в моей памяти навсегда. Эту песню он поет без сопровождения, на «бис». Люди плачут, слушая его. «Песня ли это, эпический сказ, размышление или стихийно возникшее откровение сердца? В ней так много всего.

В ней живет и трепещет вечная неизбывная русская душа: с тихим говорком, проникновенными «охами», с неожиданным разрывом чувств», — писала газета «Молодежь Молдавии». Певец выступал с русскими песнями во многих городах страны, в разных республиках. В его исполнении они приносят людям не только высокое эстетическое наслаждение, но очищают душу от накипи недобрых чувств.

— Как вы сейчас относитесь к современной молодежной музыке?

— Люблю, уважаю. В ней много разного, но ценного тоже. Например, «Опера в ночи» — шедевр на все времена. Среди наших рок-певцов есть люди с незаурядными голосами, они беспощадно эксплуатируют то, что дала им природа. Если бы эти голоса правильно развиваться! Многие из ребят-рокеров могли стать большими певцами. Плюс к этому они, как правило, люди неглупые. А хорошая голова — уже немало.

— Как вы относитесь к авангардной музыке?

— Мой слух воспитан на других традициях, и к тому же авангардная музыка не подходит моему голосу. Я чувствую и понимаю интонации современных сочинений, но их исполнение пока не входит в мои планы. Скорее стану петь произведения немецких и французских композиторов рубежа XIX—XX веков.

— Ваше отношение к религии?

— Раньше я в мыслях моих был очень далек от нее. Но жизнь заставила меня взглянуть на все новыми глазами. Впервые я попал в церковь в Ницце. В русскую церковь пришли русские люди, в основном пожилые. Среди них были представители известных в России фамилий. Они говорили на прекрасном давнишнем русском языке, который мы успешно забыли. Я слушал его как музыку. Стыдно признаться, но я подслушивал. Хотел подойти к кому-нибудь, но что-то меня удержало.

В этих людях я почувствовал не столько набожность, сколько любовь ко всему русскому. Церковь для них — часть родины и потому вдвойне свята. Русские люди, которых я встречал в Америке, Париже, Ницце, в гораздо большей степени русские, чем мы, жители современной России. Это меня потрясло. Недавно я крестился. Священник предложил нам с женой очень старался хорошо провести обряд, выдавал дивные рулады. Его прекрасному голосу не хватало слуха. Однако было красиво, душевно, искренне. И я и жена глубоко прочувствовали, что теперь мы вместе на веки вечные.

— Ваша жена Светлана всегда сопровождает вас?

— С недавних пор мы стали ездить вдвоем. Первый раз она приехала ко мне в Ниццу. Я участвовал в постановке «Пиковой дамы» и жил там больше месяца. Мы провели вместе последнюю неделю. Это было как сон. Красиво, весело, радостно. И вот теперь, ради того, чтобы ездить со мной, Света ушла из театра, бросила балет. Я очень ценю ее самоотверженность. Со стороны наша жизнь кажется сплоченным праздником. Но это обманчивое впечатление. В большинстве стран я не вижу ничего, кроме концертных залов и видов из окон гостиниц. То, что рядом со мной Света в это тяжелое время, когда нужно беречь голос, много заниматься, мне очень помогает. Поездки Светы полностью оплачиваю я сам, отнюдь не государство.

— Как действует на вас успех?

— Пока в моей жизни все складывается стремительно и складывается хорошо. Но большую удачу обыкновенно преследует большая неудача. Так что успеху я никогда особенно не радовался. У меня куча проблем, которые не дают мне покоя. Пробую заняться бизнесом. А это требует дисциплинированности.

— Что вы испытываете, когда поете?

— Вот момент, интересный для меня самого. — я ною, остаюсь холодным, почти без эмоций, каждый звук, каждое движение — от

рассудка. А со стороны это производит самое лучшее впечатление, все мне говорят, что я был очень эмоционален. Пенне — огромное физическое удовольствие. И — тяжелое страдание, когда по тем или иным причинам «не поется». Включаешь волю, физическую силу, ум, расчет, мастерство...

Я присутствовала на одной из репетиций Хворостовского. По словам артиста, петь ему в тот день было трудно. Но со стороны я не увидела никакого напряжения, ничего не заметила на слух. И впечатление от репетиции осталось не меньшее, чем от концерта. Он пел легко и свободно, как птица, держался на сцене естественно и артистично. Интонация была безукоризненно чистой. Это такая редкость в последнее время, что само по себе доставляет огромное наслаждение. Певец владеет искусством *bel canto* так, будто родился и учился в Милане, а не в Красноярске. Голос звучит ровно по всему диапазону, но особенно красив и многообещающ нижний регистр. Он сулит в будущем исполнение партий драматического баритона — Ри-

голетто, Скарпиа, Яго, Макбета... Но и сейчас репертуар певца достаточно широк. Фигаро, Родриго в «Дон Карлосе», Жермон в «Травиате», Сильвио в «Паяцах», множество вокальных миниатюр. В этом году главное в его работе — творчество Чайковского. Елецкий в «Пиковой даме», Евгений Онегин в одноименной опере, Роберт, Мазепа («Иоланта», «Мазепа»), романсы. Хворостовский тонко чувствует музыку Чайковского, свободно держится на оперной сцене. Глядя на него в роли Елецкого, безусловно, веришь тому, что перед тобой князь. Хорошие манеры, чувство собственного достоинства присущи и самому артисту. Этот мягкий, искренний, очень симпатичный человек — в начале своего блистательного восхождения. «Зажглась звезда. Она восходит все выше и выше, возможно, до ранее недостижимых высот», как написал о нем один из зарубежных музыкальных критиков. Пожелаем же себе, чтобы звезда Дмитрия Хворостовского сверкала на нашем небосклоне.

Фото Виктора Ахломова

В ней живет и трепещет вечная неизбывная русская душа: с тихим говорком, проникновенными «охами», с неожиданным разрывом чувств», — писала газета «Молодежь Молдавии». Певец выступал с русскими песнями во многих городах страны, в разных республиках. В его исполнении они приносят людям не только высокое эстетическое наслаждение, но очищают душу от накипи недобрых чувств.

— Как вы сейчас относитесь к современной молодежной музыке?

— Люблю, уважаю. В ней много разного, но ценного тоже. Например, «Опера в ночи» — шедевр на все времена. Среди наших рок-певцов есть люди с незаурядными голосами, они беспощадно эксплуатируют то, что дала им природа. Если бы эти голоса правильно развивать! Многие из ребят-рокеров могли стать большими певцами. Плюс к этому они, как правило, люди неглупые. А хорошая голова — уже немало.

— Как вы относитесь к авангардной музыке?

— Мой слух воспитан на других традициях, и к тому же авангардная музыка не подходит моему голосу. Я чувствую и понимаю интонации современных сочинений, но их исполнение пока не входит в мои планы. Скорее стану петь произведения немецких и французских композиторов рубежа XIX—XX веков.

— Ваше отношение к религии?

— Раньше я в мыслях моих был очень далек от нее. Но жизнь заставила меня взглянуть на все новыми глазами. Впервые я попал в церковь в Ницце. В русскую церковь пришли русские люди, в основном пожилые. Среди них были представители известных в России фамилий. Они говорили на прекрасном давнишнем русском языке, который мы успешно забыли. Я слушал его как музыку. Стыдно признаться, но я подслушивал. Хотел подойти к кому-нибудь, но что-то меня удержало.

В этих людях я почувствовал не столько набожность, сколько любовь ко всему русскому. Церковь для них — часть родины и потому вдвойне свята. Русские люди, которых я встречал в Америке, Париже, Ницце, в гораздо большей степени русские, чем мы, жители современной России. Это меня потрясло. Недавно я крестился. Священник предложил нам с женой очень старался хорошо провести обряд, выдавал дивные ругалды. Его прекрасному голосу не хватало слуха. Однако было красиво, душевно, искренне. И я и жена глубоко прочувствовали, что теперь мы вместе на веки вечные.

— Ваша жена Светлана всегда сопровождает вас?

— С недавних пор мы стали ездить вдвоем. Первый раз она приехала ко мне в Ниццу. Я участвовал в постановке «Пиковой дамы» и жил там больше месяца. Мы провели вместе последнюю неделю. Это было как сон. Красиво, весело, радостно. И вот теперь, ради того, чтобы ездить со мной, Света ушла из театра, бросила балет. Я очень ценю ее самоотверженность. Со стороны наша жизнь кажется сложным праздником. Но это обманчивое впечатление. В большинстве стран я не вижу ничего, кроме концертных залов и видов из окон гостиниц. То, что рядом со мной Света в это тяжелое время, когда нужно беречь голос, много заниматься, мне очень помогает. Поездки Светы полностью оплачиваю я сам, отнюдь не государство.

— Как действует на вас успех?

— Пока в моей жизни все развивается стремительно и складывается хорошо. Но большую удачу обыкновенно преследует большая неудача. Так что успеху я никогда особенно не радовался. У меня куча проблем, которые не дают мне покоя. Пробую заняться бизнесом. А это требует дисциплинированности.

— Что вы испытываете, когда поете?

— Вот момент, интересный для меня самого, — я пою, остаюсь холодным, почти без эмоций, каждый звук, каждое движение — от